

НАЧАЛЬНОЕ строительство первого пятилетнего плана индустриализации СССР называлось «Тракторостроем», вел его коммунист, бывший моряк и чекист Василий Иванов — человек проницательный, решительный, резкий. Дружил он тогда с Джеком Колдером, американцем-инженером, построившим в Детройте компании Форда знаменитые для тех времен новые корпуса заводов на железных конструкциях. Сошлись они на том, эти представители двух миров, что Колдер как производитель работ, приглашенный в СССР, работал блистательно, наше дело уважал, относился к нам с искренней симпатией. И на сделку с вредителями не пошел. А они оказались и на «Тракторострое», пытались чему-то помешать, главным образом на затяжке строительства. И все это я хорошо знаю потому, что провел много откровенных бесед с Василием Ивановым и Джеком Колдером, вначале как корреспондент «Правды», потом как друг этих интереснейших людей.

Но сейчас перед листом бумаги, набрасывая эти строки, я испытываю странное ощущение двух мер времени. С тех пор по обыкновению, понятному человеку летосчислению прошло тридцать лет, а в жизни, — я это также точно знаю, — пролетели века. Именно в эти дни, так ярко напоминающие мне начало тридцатых годов с их лавиной новых деяний, именно сейчас видишь, как пролетают века.

Точность подобного ощущения могут понять люди моего поколения. Для этого надо по-настоящему проникнуться старыми впечатлениями прошлого, которое расстилается перед глазами картинами древней былин.

Я не экономист, не инженер. Предмет моих постоянных занятий — люди. А в людях — их сознание. И тут уже не будет ничего нескромного, если я вспомню Ермолая Лаптева из пьесы «Темп», которую я писал по впечатлениям «Тракторостроя». Роль этого сезонника-крестьянина играл великий советский актер Борис Щукин, играл он с поразительной верностью народным типам, которые жили в русской действительности с незапамятных времен. Сезонник этот пришел на «Тракторострой» с артелю на заработки, чтобы там подвергнуться неслыханным воздействиям социалистического соревнования, чего, конечно, до той поры вообразить себе не мог.

Напиши я сейчас подобный образ, и меня примут за сумасшедшего. Он — былина, предание, древность, но ведь тридцать лет назад он не был преданием и древностью.

Правда, тогда на нас со Щукиным сердились некоторые лица, кому хотелось, чтоб писатель писал не о том, что существует, а что должно существовать. Но в таком случае никогда не узнаешь живительной правды о себе. А живительна она прежде всего тем, что дает познавать себя человеку в движении.

Да и что бы путное вышло из моих усилий представить себе, каким будет Ермолай Лаптев, если за эти тридцать лет пролетели по крайней мере два столетия.

Два века. Это фантастично много... много до восторга, но это живое и сложное движение со всей своей реальностью. Когда появился «Тракторострой» на берегу Волги, — а он и есть Сталинградский тракторный, — то его размах не вмещался в наши понятия.

Когда я теперь встречаю нашего рабочего-строителя и думаю о тех рабочих, с которых я писал портрет Ермолая Лаптева, то тридцать лет во всей неотразимой правде мне кажутся веками. Здесь действуют законы, точные материалистические, зависимости нашего сознания от бытия, но какую же революцию мы пережили за тридцать лет, если продвинули сознание народной толпы масштабами труда столетий! Человек — существо древнее и очень стойкое, и нового человека нельзя изобрести, как некий аппарат, подобный спутникам Земли, как эти спутники ни хороши. Человек сложнее

из неопубликованного
и забытого

КАК ПРОЛЕТАЮТ ВЕКА

Николай ПОГОДИН

Сам старый «газетчик», Николай Федорович Погодин всегда охотно откликался на просьбы редакций выступить с публицистическим словом о нашем времени, о наших людях, преобразующих своим героическим трудом облик Родины.

Многие из таких его статей не только в свое время публиковались в различных газетах и журналах, но и вошли в посмертный сборник статей Н. Ф. Погодина «Искать, мыслить, открывать!».

Однако в архиве Николая Федоровича сохранилось немало вполне законченных им публицистических выступлений, которые он, прежде чем передать их в печать, откладывал на какое-то время, чтобы еще и еще раз пройти по ним своим требовательным пером.

Такова и судьба впервые публикуемой статьи Н. Ф. Погодина «Как пролетают века». Она написана в 1959 году, но своими мыслями, своим гражданским, патристическим пафосом очень созвучна нашему сегодня.

Алексей ВОЛГАРЬ,
секретарь комиссии по литературному наследию
Н. Ф. Погодина при Союзе писателей СССР

и умнее всех современных электронных машин. Мы можем так и этак критиковать его за недостатки, но он создан, этот живой человек, живет и действует, создан невероятно гигантской работой Коммунистической партии.

Должен тут же напомнить читателю, что тридцать лет тому назад мы были несколько наивными мечтателями, представляя себе свои усилия так, что стоит нам построить пятьсот восемнадцать невиданных в России заводов, и будет нечто в жизни, похожее на рай... Но, думается мне, что если бы так мечтательно легко воцарился этот рай, то никакого человека новой, советской формации мы не знали бы сейчас. Трудности — не хлеб с маслом, трудности — черный, а то и горький хлеб. И наш человек обрел свое достоинство отнюдь не легкими, а иногда и мучительными усилиями.

Когда я думаю теперь о том же Ермолае Лаптеве, неграмотном сезоннике из Костромской губернии, который закладывал краеугольные камни индустриальной величия нашей Родины, то поражает меня его святая вера... Он был проникнут громадной душевной силой, с которой шел на подвиг построения социализма... Но подвиг в жизни — это дело, требующее великих сил души. Вспомнив в прошлое, видишь труд неслыханный, лишения безмерные и бескорыстные. Нужен гений, подобный толстовскому, чтобы верно раскрыть работу Коммунистической партии в массах. Когда Щукин играл на сцене темного деревенского рабочего-строителя, он поразительно верно выражал народную веру в авангард рабочего класса России.

Одно дело соорудить заводы и другое — самому кре-

стьянину превращаться в заводской пролетариат. Вспоминаю, как пускали мы автомобильный завод в Горьком. К тому времени, а это происходило накануне пятидесятилетия Советской власти, мы сделали свой первый семимильный шаг исторического развития. Дремучая Россия, по которой так любили горевать наши писательские перья, уходила прочь, но была жива. Мы много говорим о романтике, об энтузиастах той поры, но забываем, что новый заводской пролетариат наполовину, если не больше, состоял из этой дремучей крестьянской массы, и ей была тогда чужда весь ход индустриальной жизни. Подлинным энтузиастам и романтикам приходилось тяжело. Я помню, например, что на Горьковском автозаводе во время пуска не было почти ни одного станка, в котором по несколько раз кто-то не нажимал «для интересу» одновременно пусковые кнопки и кнопки «стоп»... Но — что массовые аварии, песочек и стальная стружка, которые подсыпали в моторы чьи-то ненавидящие руки, что все эти горести по сравнению с тьмой, упрямой, косной, неприступной!

Энтузиастам и романтикам в буквальном смысле слова приходилось отвоевывать у этой тьмы человека за человеком, уча, воспитывая, переделывая и участвуя социализму на непреклонной практике новых требований. Тогда действовал в массовом порядке удивительно смелый диалектический закон Ленина о том, что социализм следует строить из тех кирпичей, которые есть под руками, и не ждать, когда придут новые коммунистические люди.

Видимо, новый человек социалистического авангарда, как коммунист, так и беспартийный, обладает свойствами разительной и великолепной в этом смысле беспримесности тому, во что он раз и навсегда поверил. Если рассуждать по логике вещей, то, право же, мы не должны были пускать Горьковский автомобильный завод с теми пришельцами из деревень, какие у нас были. Но человек нового склада, от руководителей до кадровых рабочих самых простых профессий, не стал впадать в подобные рассуждения. Иной раз отчаянное горе могло охватить душу в те дни... Какая даль осталась позади!

И вот теперь мы пришли на тех же заводах к бригадам коммунистического труда... Немыслимо! От первых ударников, наносивших свои удары бескультуры, косности и самой тяжелой болезни прошлого, которая определялась известной половицей «Каждый за себя, а бог за всех»... Немыслимо!

Конечно, и тут не надо забегать вперед. Я, как писатель, имеющий дело с жизненными противоречиями, конфликтами, не могу не высказать при этом своего взгляда на предмет видения жизни. Как тридцать лет тому назад я не стал описывать людей того времени, какими они сделались сегодня, так я и теперь не могу этого сделать. Есть реализм взгляда на жизнь, который мы называем социалистическим, потому что он пронизывается идеологией нашего передового жизнедеятельного, лишенного сомнений человека. Метод этого реализма доказан делами рук этого человека, открывающего эру коммунистического труда. Перед нами эра — то есть время новых жизненных правил, возникновения новых понятий, исчезновения таких вещей из жизни, которые еще вчера казались нам обычными, резкой ломкой самого мышления, словом, новый век в широком историческом понятии.

Было бы чудовищной слепотой не видеть в бригадах коммунистического труда самого лучшего, что мог открыть в себе человек за всю историю своего развития. Но — человек, а не пышная фраза, в которую любит наряжаться схема. Человек, пускающийся в трудный и длительный путь. Его мораль, этические нормы, вкусы будут еще лучше, но ему, как романтикам и энтузиастам тридцатых годов, придется нелегко. Это будет не борьба с тьмой и косностью, борьба на высоком уровне, но все же трудная, серьезная борьба, а не безмятежное вступление в мир коммунизма.

Накипь прошлого лежит на иной человеческой душе тяжелыми и стойкими пластами, а коммунистические отношения при их серьезной выработке предъявят счет таким поступкам человека, которые, как говорится, «никого не касаются».

И в заключение еще несколько слов из моих воспоминаний о «Тракторострое». Тогда, в далекое то время, как-то на работе в поле, где планировался главный цех завода и что-то не ладилось у старых десятников, американский инженер сказал нам в утешение:

— Не плачьте. Очень хорошо идут дела. Вы еще нас обойдете.

Тогда его слова мы приняли как комплимент — слишком очевидна, разительная огромная была разница в том, о чем он говорил. А человек он был широкий, умный, прозорливый. И теперь мне этот маленький штрих прошлого кажется знаменательным.

Наши величайшие успехи в точных науках, в технических завоеваниях, в индустриальных способах производства есть результат общенародного мирного культурного соревнования двух систем. Это соревнование стало общепринятой нормой, и оно уже не удивляет умных и объективных американцев, а нас подавно.

Но есть другая, более важная и поистине величественная область, где мы давно обогнали Америку и весь капитализм. Это человек, его сознание, его характер. Тут некому соревноваться с нами, и никому нас не догнать. Можно, повторяю, отыскать в нашем человеке много недостатков, и все равно по коренному, серьезному, большому счету он — восхитительная личность, устремленная в мировое завтра.